

Взгляд Порфирия Петровича перекинулся с бронзовой чернильницы в виде Сфинкса на книги, лежавшие на зелёном сукне стола. Книги эти, не далее как вчера, приставу следственных дел принёс письмоводитель и молодой его товарищ Александр Григорьевич Заметов. Порфирий Петрович пробежал заглавия: «Орест» и «Агамемнон».

«Значит, Еврипид и Эсхил... Трагедии... «Одиссея» же Гомера у меня и своя имеется, так сказать, личная...»

Следователь вынул из шкафа «Одиссею», затворил зеркальную дверцу и задержался на собственном отражении.

«Какое же однако у меня пухлое, круглое и немного курносое лицо... Оно было бы, пожалуй, и добродушное, если бы не мешало выражение глаз... Да, да, взгляд их как-то странно не гармонирует со всею фигурою, имеющуюю в себе, увы, что-то бабье... А впрочем, именно взгляд и придаёт ей, фигуре, нечто гораздо более серьёзное, чем можно было от неё ожидать...»

И тут слово в слово выяснилось один разговор памятный. Именно памятный, поскольку вёлся в самую изначальную встречу их с Родионом Романовичем Раскольниковым. Здесь же, у него, Порфирия Петровича, на казённой квартире. Были, кроме них с Раскольниковым, ещё и Заметов с Разумихиным. Последний, кстати, приходился и дальним родственником следователю, и близким другом подозреваемому. Дело в том, что Порфирий Петрович уже отводил Раскольникову роль убийцы старухи-процентщицы и сестры её Лизаветы. Поэтому очень интересовался Родионом Романовичем, особенно идей его о преступлении, высказанной в периодической печати. «Идейка-то уж слишком игривенькая... психологическая-с...», - решил Порфирий Петрович. Но когда Раскольников, наконец, явился к нему, то никак не выказал этой своей заинтересованности. Напротив, взялся за родственника и стал поджигать его вопросами.

«О, мы тогда знатно поспорили с Разумихиным... Дмитрий Прокофьич едва не сбесился...»

- Ну, да хочешь я тебе сейчас выведу, - заревел он, - что у тебя белые ресницы единственно оттого только, что в Иване Великом тридцать пять сажен высоты, и выведу ясно, точно, прогрессивно и даже с либеральным оттенком? Берусь! Ну, хочешь пари!

- Принимаю! Послушаем, пожалуйста, как он выведет!

- Да ведь всё притворяется, черт! - вскричал Разумихин, вскочил и махнул рукой. - Ну стоит ли с тобой говорить! Ведь он это всё нарочно, ты еще не знаешь его, Родион!... Ведь он по две недели таким образом выдерживает. Прошлого года уверил нас для чего-то, что в монахи идет: два месяца стоял на своем! Недавно вздумал уверять, что женится, что всё уж готово к венцу. Платье даже новое сшил. Мы уж стали его поздравлять. Ни невесты, ничего не бывало: всё мираж!

- А вот соврал! Я платье сшил прежде. Мне по поводу нового платья и пришло в голову вас всех поднадуть.

- В самом деле, вы такой притворщик? - спросил небрежно Раскольников.

- А вы думали, нет? Подождите, я и вас проведу - ха-ха-ха! Нет, видите ли-с, я вам всю правду скажу...

Порфирий Петрович, всё также не отрываясь, смотрел на себя в зеркало и думал:

«Надо отдать должное, Родион Романович логически всё обосновывал... И о двух разрядах - «обыкновенных» и «необыкновенных» людей, и о «крови по совести»... Когда же я спросил насчёт его собственной совести, он не выдержал и сорвался: «Да какое вам до неё дело?». А я преспокойно ответил: «Да так уж, по гуманности-с...». Разумихин же прямо-таки накинулся на Родиона Романовича... «Ну, брат, если действительно это серьёзно, то... Ты, конечно, прав, говоря, что не ново и похоже на всё, что мы тысячу раз читали и слышали; но что действительно оригинально во всём этом, - и действительно принадлежит одному тебе, к моему ужасу, - это то, что всё-таки кровь по совести разрешаешь, и, извини меня, с таким фанатизмом даже... В этом, стало быть, и главная мысль твоей статьи заключается. Ведь это разрешение крови по совести, это... это, по-моему, страшнее, чем бы официальное разрешение кровь проливать, законное...».

- В общем, мне почти стало ясно в тот момент, как Раскольников на преступление изволил смотреть-с... - подмигнул своему отражению в зеркале Порфирий Петрович.

«К следующей-то нашей с ним встрече я уж и сюрприз приготовил... Мещанина, скорняка одного... Он и засвидетельствовать против Родиона Романовича был готов... Что, мол, приходил после убийства на квартиру Алёны Ивановны, колокольчик дёргал дверной и про кровь

спрашивал... А я, обрадовавшись, не стал перед Раскольниковым коченеть - такого наговорил! Намерение имел мещанина моего из-за перегородки, где он до поры до времени сидел, представить... Огорошить, значит, Раскольникова... И тут, тут... появился этот несчастный Миколка, и бух на колени: «Я... убивец... Алёну Ивановну и сестрицу ихнюю, Лизавету Ивановну, я... убил... топором. Омрачение нашло...».

- Нет, не на такую развязку я рассчитывал... - закудахтал Порфирий Петрович. - Не на такую... Я же знал, что Миколка не виновен и что оговаривает себя, дурачок... Вот и пришлось возиться, опровергать... А впрочем, и ничего, что так вышло... Зато, Родион Романович Раскольников дозрел... О, какую муку он принял в те дни!

«Помню, пришёл я в жалкую каморку его, чтобы наконец объясниться...».

- Я рассудил, что нам по откровенности теперь действовать лучше, - сказал я Родиону Романовичу в нашу третью и решительную встречу.

«Тогда-то всё и решалось... Я признания его добивался, а он, блекло-жёлтый, долго слушал меня... Слушал даже про то, что не верует, и про то, что жизнь вынесет...».

- Это - правда... Жизнь всегда вынесет... Из восьми лет каторги Раскольников отбыл уже...

Порфирий Петрович заметил морщины возле глаз, отпрянул от зеркала и проронил:

- Ну, где-то год с хвостиком...

Следователь постоял перед книжным шкафом, как бы прикидывая «Одиссею» на вес. Потом присоединил массивный том к книгам, принесённым давеча Заметовым. Опустился в кресло и закрыл глаза.

«Кто я? Я поконченный человек, больше ничего. Человек, пожалуй, чувствующий и сочувствующий, пожалуй, кой-что и знающий, но уж совершенно

поконченный... То есть завершённый, ничего не ищущий для себя... Только - для другого... Ведь другому нужно помочь вырасти, состояться... И слава Богу, что Раскольникову помочь всё-таки удалось... «Станьте солнцем, вас все и увидят...». Вот он и стал солнцем... Гм, забавно, что Аполлон - это и есть древнегреческий бог Солнца... И именно Аполлон, посредством Дельфийского оракула, приказал Оресту покарать убийц отца... Отец его, Агамемнон, вернувшийся из покорённой Трои, был коварно погублен собственной женой Клитемнестрой и любовником её Эгистом. У этих двоих Орест и отнял потом жизнь, не пощадив и той «на сердце чьём часто так дремал...». Да, он матереубийца... Но меня больше занимают мотивы самой Клитемнестры... Её «делом» я теперь интересуюсь от скуки... А может, и от тоски... Не знаю, заменит ли Клитемнестра мне хоть на время Раскольникова? Ох, не знаю...».

В глазах Порфирия Петровича вдруг колыхнулся водянистый блеск, почти белые, моргающие ресницы, точно подмигивали кому.

- Дело следователя ведь это, так сказать, свободное художество, в своем роде-с или вроде того... А посему и приступим... Оправдаем имя своё...

«Порфирий с греческого это... Это - «багряный»... А Пётр - «камень»... И значит, моё имя можно перевести примерно как «красный камень». А тут и до алхимии не далеко... Было же учение, что красный камень - это тот самый знаменитый камень философов... Итог алхимических трудов... Он, этот камень, исцеляет человека и природу, дарует вечную жизнь и изобилие...».

Порфирий Петрович удобнее расположился в кресле, открыл «Одиссею» и отыскивал нужное. Прокашлялся и, изображая Гомеровскую торжественность, начал:

«Сын Атреев, владыка людей, государь Агамемнон,
Паркой какою ты в руки навеки усыпляющей смерти

Предан? В волнах ли тебя погубил Посейдон с кораблями,
Бурею бездну великую всю сколебавши? На суше ль
Был умерщвлен ты рукою врага, им захваченный в поле,
Где нападал на его криворогих быков и баранов,
Или во граде, где жен похищал и сокровища грабил?». —
Так спросил я его, и, ответствуя, так мне сказал он:
«О Лаэртид, многохитростный муж, Одиссей благородный!
Нет, не в волнах с кораблями я был погублен Посейдоном,
Бурные волны воздвигшим на бездне морской: не на суше
Был умерщвлен я рукою противника явного в битве;
Тайно Эгист приготовил мне смерть и плачевную участь;
С гнусной женою моею заодно, у себя на веселом
Пире убил он меня, как быка убивают при яслях;
Так я погиб, и товарищи верные вместе со мною
Были зарезаны все, как клычистые вепри, которых
В пышном доме гостелюбца, скопившего много богатства,
Режут на складочный пир, на роскошный обед иль на свадьбу.
Часто без страха видал ты, как гибли могучие мужи
В битве, иной одиноко, иной в многолюдстве сраженья, —
Здесь же пришел бы ты в трепет, от страха бы обмер, увидя,
Как меж кратер пировых, меж столами, покрытыми брашном,
Все на полу мы, дымящемся нашею кровью, лежали.
Громкие крики Приамовой дочери, юной Кассандры,
Близко услышал я: нож ей во грудь Клитемнестра вонзала
Подле меня; полумертвый лежа на земле, попытался
Хладную руку к мечу протянуть я: она равнодушно
Взор отвратила и мне, отходящему в область Аида,
Тусклых очей и мертвеющих уст запереть не хотела.
Нет ничего отвратительней, нет ничего ненавистней
Дерзко-бесстыдной жены, замышляющей хитро такое
Дело, каким навсегда осрамилась она, приготовив
Мужу, богами ей данному, гибель. В отечество думал
Я возвратиться на радость возлюбленным детям и ближним —
Злое, напротив, замысля, кровавым убийством злодейка
Стыд на себя навлекла и на все времена посрамила
Пол свой и даже всех жен, поведением своим беспорочных».

- Злодейка так злодейка... - пробормотал Порфирий Петрович. - Разумеется, ещё предстоит выяснить мотивы Клитемнестры... Но то, что это именно она вместе с Эгистом приготовила гибель царю Агамемнону, его верным товарищам и юной Кассандре, сомнений не

вызывает. Да, факт установленный... Сам Агамемнон сообщил его Одиссею, когда тот на время спустился в царство Аида...

II

«Ишь темноты наволокло сколько, - думал Порфирий Петрович, - и какие из неё молнии выходят... Одна вон Флажную башню Петропавловской крепости ужалила... Нет, не люблю я осень... И крепость-тюрьму эту тоже... Первым тамошним узником был, кажется, царевич Алексей... Э-э, умерший, а, возможно, и тайно убитый летом 1718-го...».

- А впрочем, недолголюбиваю я и нашего лета... Вон распивочных, вон извёстки... А нужно воздуху... прежде всего воздуху... Его-то Раскольникову и не хватало... А чего не хватало Клитемнестре?

«Не пойму, пока не ухвачу черту... Клитемнестра дочь спартанского царя Тиндария и единоутробная сестра Елены... Той самой Елены, из-за которой началась Троянская война... Нет, нет, это не то. Нужна другая черта... Другая... А если так... Во время одного из походов Агамемнон захватил царя Тантала, его ребёнка и жену... Тантала с ребёнком Агамемнон убил, а на овдовевшей Клитемнестре - то была именно она - женился... Так, так... Кровь пути кажет... А что если Клитемнестра затаила на Агамемнона обиду? Ведь она могла справедливо считать, что на нём кровь её первого мужа и ребёнка. Мотив? О, ещё какой!...».

- И вообще, - вскричал Порфирий Петрович, - мотивов у Клитемнестры столько, что хоть отбавляй...

«Перед Троянским походом, - начал перебирать факты следовательно, - Агамемнон принёс в жертву их дочь Ифигению... Отсутствовал более десяти лет и верностью не отличался. А из похода привёз ещё и юную наложницу - троянскую принцессу Кассандру. Может быть, поэтому

двоюродному брату Агамемнона Эгисту удалось не только стать любовником Клитемнестры, но и уговорить её участвовать в заговоре?.. Очень может даже быть...».

Порфирий Петрович заменил огарок свежей свечой, и снова опустился в кресло. Он порядком устал, но будь он даже по локоть в красном золоте и по колено в чистом серебре, то и тогда бы не согласился прервать своё расследование.

- День к вечеру - к смерти ближе...

Пристав судебных дел покосился на окно, и тут его осенило:

- Ну, конечно, смерть Агамемнона была predeterminedena...

«Почему я так подумал? Да не почему... Некогда разбираться... Ясно же, что предсказанию вещей Кассандры о близкой гибели Агамемнон не поверил... Да и никто никогда не верил... Ведь сам Аполлон, отвергнутый девой-пророчицей, наказал её... Итак, гибель царя Агамемнона была predeterminedena. Даже боги не смогли бы отвратить её. Потому что выше богов были Рок и три страшные Мойры, осуществляющие ход неотвратимой судьбы... А может, и времени?».

- Говорится же, не человек гонит, а время...

На столе, заваленном бумагами и книгами, сложно было отыскать что-либо, но Порфирий Петрович справился. Уже вскоре он нашёл работу одного философа. Этот учёный муж предавал особое значение времени в пьесах древнегреческого драматурга Эсхила и утверждал, что «именно время даёт человеку нравственный урок... и совершает религиозное очищение Ореста».

- А вот это прелюбопытное утверждение! - заметил Порфирий Петрович.

Поджав ноги, он уселся в кресле по-турецки, оправил домашний халат и продолжил чтение:

- Время необходимо, чтобы была возможной вера в неизбежность исполнения божественного приговора...

Только время может объяснить, почему справедливость осуществляется не сразу же вслед за преступлением. Насколько живо Эсхил чувствовал необходимость позднейшего наказания, показывает лишь у него встречающееся слово *позженаказуемый*...

Прочитанное требовалось осмыслить.

С неожиданной легкостью для своего тучного тела Порфирий Петрович вспорхнул с кресла и забежал по комнате.

- Да, да и трижды да... Эсхил указывает на наказание, отложенное на неопределённый срок... В конце концов происходит так, что наказанию подвергаются потомки преступника... И мы видим это на примере царя Агамемнона... За преступления, коих содеял он немало, позженаказуемым оказывается его сын Орест. Да, именно Орест, который сам совершает наитягчайшее... Он - матереубийца... Его преследуют Эринии - богини-мстительницы с волосами из змей и чёрными собачьими мордами вместо лиц... Конец же этому преследованию удаётся положить лишь Афине-Палладе. Она проводит первый в истории Греции суд... Суд над Орестом. И ареопаг оправдывает его... Такой вот, значит, мифологический переход от мести к правосудию...

III

Всё утро Порфирий Петрович поджидал своего молодого товарища Александра Григорьевича Заметова. Собственноручно сварил кофе, заслал дворника Онуфрия в трактир за мясными закусками и даже извлёк из недр буфета бутылку превосходной мадеры. А пораздумав, прибавил ещё и эклеров, которые держал под замком исключительно для себя.

- Ну, надо же, Порфирий Петрович... - всплеснул руками Заметов, входя. Был он высоколоб, торжественен, облачён в чёрный сюртук.

Заметов приостановился от удивления:

- Вы сегодня, право, как именинник... И какой стол накрыли!

- Александр Григорьевич, голубчик... Рад, рад видеть вас... Знаете, а ведь я действительно почти что именинник...

- Пойдите, вы никак «дело Клитемнестры» закончили?

- Закончил, голубчик мой, закончил... Но об этом потом... А сейчас давайте-ка вы расскажите где бывали и кого видали...

- Гм, где я бывал и кого... А ну, наместники Разумихиных видали... Так вот, Дмитрий Прокофьевич и Авдотья Романовна велели кланяться... Обещали-с пожаловать с визитом...

- Никак весточка от Родиона Романовича?

- Порфирий Петрович, не перестаю удивляться вашей пронизательности...

- Пронизательность тут ни при чём... Авдотья Романовна всякий раз передаёт мне новости о брате... Впрочем, сам Раскольников родным не пишет, корреспонденция же установилась через Софью Семёновну Мармеладову...

- Я понимаю.

- Нет, нет, не спешите... Софья Семёновна сообщала, что он всех чуждается и что в остроге каторжные его не полюбили... На второй неделе Великого поста пришла ему очередь говеть вместе с своей казармой. Он ходил в церковь молиться... Из-за чего, он и сам не знал того, - произошла ссора... Все разом напали на него с остервенением... «Ты безбожник! Ты в Бога не веруешь! Убить тебя надо...» - кричали Раскольникову. И убили бы, не вмешайся конвой.

- Вы, наверное, знаете?

- Да, сведения точные.

Следователь наполнил бокал мадерой и подал Заметову.

- А себе?

- И себе...

Они чокнулись.

- Досточтимый Александр Григорьич, позвольте поблагодарить вас за любезно предоставленные книги! И «Орест», и «Агамемнон» пришились в моём расследовании как нельзя кстати...

- О, я сгораю от нетерпения узнать о ваших выводах по этому «делу»...

- Боюсь разочаровать вас, голубчик... Людям ведь, как известно, не нужно видеть правду, они сами её знают, а кто не знает, тот и увидит, так не поверит...

- Но я же всегда поверю, Порфирий Петрович!

- Речь не о вас, не обижайтесь! И кушайте, кушайте мясные закуски... А я пока расскажу о чисто античном убийстве... То есть о том, как упустовали на вечный покой царя ахейского, Агамемнона.

...Этот рассказ был таким ясным, таким простым, словно его выдумал ребёнок. Но когда Заметов взглянул на Порфирия Петровича, то поразился: «Какой ещё ребёнок? Скорее тот, кто каждый день стоит против смерти...»

Повисло невысказанное молчание.

«Будто бы мы осуждены на него...» - подумалось Заметову.

- Верите ли, - прервал вдруг мысль товарища Порфирий Петрович, - я часто просыпаюсь мокрый от пота и чувствую, что все цветы во мне съела корова...

- Корова?

- Ну, болезнь... - Порфирий Петрович жадно допил вино. - Так о ней говорят... О, только не перебивайте, голубчик! Не советуйте обратиться к врачу... Никакой врач не поможет... А знаете почему? А потому что мы...

Мы не одно, не заодно живём... Мы все разъединены, все... Понимаете?

Порфирий Петрович примостил на стол свой бокал, звякнув им о бутылку.

- Чего мы стыдимся, того и таимся... Разве нет? Я вам, Александр Григорьевич, больше скажу... Во времена Гомера было жертвенное человекоубиение, в наши же времена - обрядовое человекопожирание... Тогда у Зевса были два сосуда, один полный благостынь, другой - дурных даров, злосчастных жребиев... А теперь, теперь этими сосудами завладела проклятая обезьяна... Тогда геройствовали... гневливый Ахиллес, властолюбивый Агамемнон, споспешествующий им Одиссей... А кто нынче? Кто? Быть может, право имеющие? И кровь по совести себе разрешающие?

Разлакомившийся оратор оправил сбившийся набок галстук, и продолжал:

- Да и олимпийские боги хороши! То у них состязания в ужасных убийствах, то инцесты, то предательства... Разве могли все эти Зевсы, Посейдоны и Аполлоны не подорвать веру в себя? Разве могли они не уступить христианству?

Заметов силился понять, морочит ли его Порфирий Петрович. По всему выходило, что не морочит. Но тут старший товарищ подмигнул.

- Ну, что же вы, Александр Григорьевич, не крикните: «Смолкни, безумноречивый, хотя громогласный вития!»

- Как вас понимать? Я, я... не постигаю...

- Голубчик мой, я и сам не постигаю... Загадка... Поэтому давайте-ка лучше кофей с эклерами откушаем... Это оживит застолье...

Гость давно ушёл.

А свеча осталась. Был её свет жёлтый, но чистый и кроткий.

Взгляд же Порфирия Петровича был на бронзовой чернильнице в виде Сфинкса.

- Всю ночь просижу, а ночевать не стану... - пообещал себе следователь. - Буду загадку разгадывать. Не умнее она ума... Доказал ведь царь Эдип это Сфинксу...